

Семинар «Аспектология русского глагола»

Категория начала в сопоставительном аспекте

Н. Е. Ананьева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
slavlang@philol.msu.ru

Начало, концепт, способ глагольного действия, будущее время, ингессив

Summary. In this paper are analyzed the lexical and grammatical components of the concept 'beginning' in modern Polish and Russian languages.

Центр лексических компонентов поля концепта начала в польском и русском языках образуют существительные *начало*, *rozątek*, глаголы *начать(ся)*, *начинать(ся)*, *zacząć (się)*, *zaczynać (się)*, находящиеся в антонимических отношениях с существительными *конец*, *koniec*, глаголами *кончат(ся)*, *кончить(ся)*, *kończyć (się)*.

В докладе рассматриваются и другие лексические составляющие концепта 'начало' (польск. *rozątek*, *rozpocząć*, русск. *почин*, *зачин* и др.), включая прецедентные топонимы (ср. названия населенных пунктов *Починок* и др.), а также фразеологические компоненты данного концепта (*Początek zawsze jest trudny, począte życie, od początku do końca*).

Указывается на частотную представленность в паремиологии и фразеологизмах с понятием 'начало' антонима 'конец'. Рассматриваются обусловленные культурными традициями субституты прототипических лексем «начала» и «конца» (*od A do Z, od deski do deski*).

Лексико-грамматические составляющие концепта 'начало' в современных польском и русском языках — это глаголы фазисного начинательного способа глагольного действия, образуемые главным образом префиксами *za-* / *za-* и *po-* / *po-* (но не только). Исследуется различие в выражении префиксальными глаголами значения ингессивности в польском и русском языках: большая активность префиксальных формаций с *za-* в русском языке по сравнению с польским языком (частое соответствие русским приставочным образованиям со значением начинательности польских аналитических конструкций с прототипическим глаголом 'начала': русск. *побежать* — польск. *zacząć bieć* и т. п.).

Подобные современным польским аналитические конструкции со значением начинательности были характерны для

русского языка древнего периода. Указывается на трудность в ряде случаев выделения акциональной семантики начинательности (что, в частности, исторически мотивировано формированием начинательности на базе результативности). Возможностью интерпретации префиксального глагола формулой 'начать + инфинитив' является диагностической для квалификации его в качестве ингессива. Ингессивы нацелены на дальнейшую перспективу и лишены ретроспективности. В докладе используются как материалы автора, так и польских специалистов по видовой и акционсартной проблематике (Ц. Перникарский, Х. Врубель, В. Цокевич и др.).

В орбиту категории начинательности могла войти в обоих сопоставляемых языках также грамматическая категория будущего времени глаголов несовершенного вида (ср. *zacząć* и *начать* / *почать* с инфинитивом как одно из средств образования футурума глаголов несовершенного вида в древнепольском и древнерусском языках).

Однако в обоих языках не произошла грамматикализация глаголов *zacząć* / *начати*, *почати*, которые сохраняли свое лексическое значение (о ситуации в древнерусском языке см. [1]).

Префиксальное средство начинательности *po-* словац. *po-* / *po-* грамматикализовалось в словацком языке в качестве показателя будущего времени для глаголов движения (*letieť* 'лететь' — *poletím*).

Литература

1. Юрьева И. С. Семантика глаголов *імѣти*, *хотѣти*, *начати* (*почати*) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

«Новые» двувидовые глаголы

Н. В. Андросюк

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина) / Любляна (Словения)
andronat@rambler.ru

Аспектология, двувидовые глаголы, «новые» двувидовые глаголы

Summary. The report presents ways to replenish the vocabulary of the Russian language with «new» two-aspect verbs and their functioning in the contemporary discourse.

«Новыми» мы условно называем заимствованные глаголы на *-ова-* (*-изирова-*, *-ирова-*, *-изова-*), которые появились в русском языке в последние два десятилетия. «Новизна» этих глаголов является относительной, потому что она довольно быстро утрачивается. Так, списки «новых» двувидовых глаголов, составленные А. Н. Тихоновым [9], уже не актуальны в силу того, что эти глаголы получили широкое распространение в современном дискурсе, освоены языком, о чем свидетельствует и их префиксальная валентность, так как «лексическая активность всегда приводит к грамматической активности» [7]. Пополнение лексического запаса русского языка «новыми» двувидовыми глаголами происходит в результате следующих явлений:

1. За счет заимствований, постоянно появляющихся в современном русском дискурсе и закрепляющихся кодификацией; некоторые из этих «новых» глаголов уже зафиксированы словарями, другие еще нет, что свидетельствует об активности данного процесса (*иницировать*, *монетизировать*, *результативать*, *дидактизировать*, *экстрадировать* и т. д.).

Все «новые» двувидовые глаголы демонстрируют очевидную «социальность» [6]. Так, А. Ганенко [1] описала историю появления слов *монетизация* и *монетизировать*, связанную с событиями 2005 года. Глагол *монетизировать* новый (не отраженный ни в одном словаре), но уже ставший активным, обозначает следующие процессы: 1) 'заменить / заменить льготы денежными компенсациями', 2) 'переводить / перевести в денежный эквивалент'. Примеры: *Но ни отнять, ни монетизировать* (СВ) *льготы главного российского пенсионера депутаты не решились* (АиФ в Украине, 2005). *Потому что «монетизировать»* (НСВ) *льготы будут чиновники — а как они это делают, мы с вами уже знаем* («Калининградские Новые колеса», 2004.11.11 — НКРЯ).

2. Двувидовые глаголы с пометой «устар.» (*ангажировать*, *манкировать*, *рекрутировать*, *ретироваться*, *фланкировать*, *фраттировать* и т. д.) не выходят из употребления, продолжая активно функционировать в современном дискурсе за счет появления у них новых ЛСВ. Так, например, глагол *ангажировать* наряду с устаревшими значениями 'при-

глашать артиста или группу на определенный срок участвовать в спектаклях или концертах» и «приглашать даму на танец» в современном дискурсе имеет значение «вовлечь кого-л. в какое-л. (чаще общественное) дело, привлечь к активному участию в чем-л.»; *быть zaangażированным в чем-л.* — «быть активным участником чего-л.» [3]: *Надо ли говорить, что для этих целей он в основном ангажировал болжей* (Юрий Азаров. Подозреваемый. 2002 — НКРЯ). Глагол *ретироваться* помимо значения «отступать во время боевых действий (устар.)» имеет еще ЛСВ «уходить, скрываться (обычно с оттенком шутовности)» с пометой «разг.» [2]: *Так что ретироваться, со слов Дерягина, пришлось через подсобку* (Семен Данилюк. Рублевая зона — НКРЯ).

3. Появление омонимов и новых ЛСВ двувидовых глаголов (*рокироваться, русифицировать, скальпировать, сублимировать, трассировать* и т. д.), которые можно классифицировать следующим образом:

- у глагола-термина появляется ЛСВ омоним общего значения (*купировать, маркировать, транспонировать, санкционировать, рокироваться* и т. д.). Так, глагол *купировать*, являясь специальным и медицинским термином, в современном дискурсе используется также в значении «удалять / удалить, устранять / устранить, укорачивать / укоротить что-либо» (...я попыталась *купировать* скандал... (Д. Донцова — НКРЯ). *Купировать преступность на уровне ее воспроизводства* — раз (Олег Дивов. Выбракровка — НКРЯ);
- у общепотребительного глагола появляется новый ЛСВ омоним терминологического характера (*русифицировать, трассировать* и т. д.); Например, глагол *русифицировать* используется в информатике в значении «расширить возможности системы, добавить работу с кириллическими символами» [10]: *И когда Антон залез в нее, он тут же ее русифицировал, то есть все английские слова и команды переписал на русский язык* (Артем Тарасов. Миллионер. 2004 — НКРЯ);
- появление нового ЛСВ омонима, который будучи термином одной науки, становится термином и другой науки (*лессировать, сублимировать* и т. д.). Так, *сублимировать* в [8] представлен только как химический термин, а в более поздних словарях [2] и [4] уже в качестве медицин-

ского термина «переключение низших, преимущественно сексуальных побуждений на высшие, интеллектуально и социально полезные цели». При этом данный глагол используется в публицистическом и художественном дискурсе, где сохраняет элемент значения «перейти из одного состояния в другое; преобразоваться во что-либо»: *Тебе надо сублимировать случай с твоим неудачным браком.* (Г. Щербакова. Актриса и милиционер).

4. Образование «новых» глаголов от основ уже существующих двувидовых глаголов путем перфективации (*пере-, де-, ре-, а-, со-, раз-, до-*) и, реже, имперфективации (*-ова / -ева*): (*кодировать* — *перекодировать, блокировать* — *деблокировать, эвакуировать* — *реэвакуировать, визировать* — *авизировать; исповедать* — *исповедовать*). Например: *Некоторые сообщения опережают груз, авизируют* (НСВ) *его прибытие* (inform.alogistica.ru). *Банк-эмитент открывает аккредитив и просит затем банк в стране продавца авизировать* (СВ) *и в ряде случаев подтвердить аккредитив* (www.sakharov.ru). Список таких глаголов, по нашим данным, включает 43 единицы, их двувидовость подтверждается многочисленными примерами функционирования в современном дискурсе.

Литература

1. Ганенко А. Учебное исследование «Механизмы современного словообразования» как способ формирования интереса к языку // www.museum.cross-apk.ru/domens/krt/doklad/Ganenko.doc.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М., 2000.
3. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2008.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2000.
5. Национальный корпус русского языка // http://www.ruscorp.ru.
6. Ремчукова Е. Н. Морфология современного русского языка. Категория вида глагола: Учебное пособие. М., 2004.
7. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики М., 2005.
8. Словарь русского языка: В 4 т. // Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.
9. Тихонов А. Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографии. М., 1998.
10. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения // Под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 2002.

Глаголы мысли в русском языке и их аспектуальные особенности

Н. Г. Бяковская

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»

nadia_koltina@mail.ru

Русский язык, вид, семантика, грамматика, мысль

Summary. The paper deals with verbs of thought, i. e. those that denote a transition from the absence of a proposition to its presence in the mind of a «thinker». It is revealed that verbs of thought are characterized by unconventional distribution of aspectual meanings inside aspectual pairs. The paper also analyses their semantic characteristics and differentiates between different groups of verbs of thought.

1. Глаголы мысли как особый класс глагольной лексики

Одной из важнейших функций естественного языка — тероретически всегда признаваемой, но на практике игнорируемой — является «мыслительная» функция — функция формирования, «совершения» мысли в предложении (В. Гумбольдт). Задача данного доклада — это исследование мышления через призму естественного языка и прежде всего глаголов, обозначающих акты мысли, где мысль — это «всякое одиночное действие ума, разума, рассудка» [3: 396]. Глаголы мысли являются одним из важнейших классов глаголов в любом языке. В то же время в работах отечественных и зарубежных лингвистов они не выделялись как самостоятельный класс, а рассматривались в группе глаголов со значением интеллектуальной деятельности вместе с глаголами знания, мнения, веры и т. п. (см., напр., [4]).

2. Процедура выделения глаголов мысли

Чтобы выделить глаголы (и глагольно-именные сочетания) мысли в русском языке, мы обратились к примерам из «Национального корпуса русского языка» [6], которые содержат слово *мысль* в анафорической функции вслед за глаголом, вводящим мысль. Среди 1265 примеров, содержащих слово *мысль* в анафорической функции, нами было выявлено 122 случая, когда этому слову предшествовал глагол мысли. Это *подумать, думать, сказать себе, спрашивать*

себя, говорить самому себе, думать про себя, понять, пришло в голову, мелькнуло в голове, пронеслось в голове, несло в голове, приходило в голову, шевельнулось в голове, представилось, мелькнула догадка, продолжать свои размышления, догадаться, догадываться, подумывать, сомневаться, мыслить, предложить, понимать, перебить себя. Процентное соотношение этих глаголов таково: *подумать* — 45%, *думать* — 21%, *понять* — 7%, *пришло в голову* — 7%, остальные — 20%.

3. Концептуально-семантическая характеристика глаголов мысли

1. Глаголы мысли динамичны. Они всегда указывают на изменение состояния в уме субъекта, под которым подразумевается переход от отсутствия пропозиции в сознании субъекта к ее наличию. Схематично акт мысли можно представить следующим образом: «не р → р» или «не р → р → не р».

2. Глаголы мысли обозначают неконтролируемое действие. Как показывают языковые данные, неконтролируемость является определяющим свойством акта мысли. Это проявляется в некоторых словосочетаниях-метафорах, таких, как: *мысль пришла в голову / на ум, мысль крутится, возникла мысль, родилась мысль, мысль остановилась, мысль меня не покидает, эта мысль преследует меня, мысль подкралась, мысль ускользнула* и др. (см. [7]). Во всех этих словосочетаниях *мысль* выступает в роли субъекта.

3. Глаголы мысли (в отличие от глаголов знания, мнения и веры) обозначают актуальное действие. Когда мысль не находится в фокусе сознания субъекта, она перестает существовать.

4. СВ и НСВ глаголов мысли

1. Ряд глаголов мысли образует видовые пары, например: *думать* — *подумать*, *сказать себе* — *говорить самому себе*, *приходило в голову* — *пришло в голову* и др. При этом в процентном отношении формы СВ составляют приблизительно 61%. Однако отношения внутри видовых пар глаголов мысли отличаются от корреляции видовых форм обычных глаголов.

2. СВ глаголов мысли обозначает целостный акт мысли (*Андрей подумал, что их, наверно, можно было бы перепрыгнуть, и в тот самый момент, когда ему в голову пришла эта мысль, человек с соломенной шляпой на шинурке сильно оттолкнулся от крыши, оторвался от вагона и перелетел над ограждением моста* (Виктор Пелевин. Желтая стрела. 1993 — [6]).

3. Формы НСВ глаголов мысли не имеют актуально-длительного значения, как НСВ обычных глаголов. Они указывают на то, что формулировка мысли еще не закончена (*Разве они не видят, как мне больно и стыдно? — думал я. — Отчего же сестрица не смеется, а жалеет обо мне и даже плачет?* (С. Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники. 1858— [6]). Кроме того, НСВ глаголов мысли часто обозначает законченное действие — изменение в состоянии ума — которое, однако, актуализируется повторно (в некотором смысле повторяется — ср. [2]).). «*Ладно, все равно посадят*», — *думал Штрум. И эта мысль теперь не мучила, а словно бы утешала его* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3. 1960 — [6]). Каждый раз переход к наличию пропозиции в уме субъекта осуществляется по тем же основаниям, что и в первый раз, т. о. мысль не вспоминается, а «думается» каждый раз заново: 'не р → р → не р'.

4. Форму СВ глаголов мысли можно заменить на форму НСВ в настоящем повествовательном, которое используется, когда скорость «совершения», формирования мысли в уме субъекта приблизительно совпадает со скоростью ее воплощения в языковой форме.

5. Видовые особенности глаголов мысли проявляются в их лексической сочетаемости. Так, глаголы мысли не могут

сочетаться с обстоятельствами длительности (**Он долго подумал*; **Он немного подумал, что...*); скорости (**Он быстро / медленно думал / подумал: «...»*; **Ему быстро пришло в голову, что...*); с обстоятельствами градуальности (**Постепенно думал он*) и с инклюзивными обстоятельствами времени (**Ему пришло в голову за пять минут*).

5. Группы глаголов мысли

Глаголы мысли делятся на различные аспектуально-семантические группы, в частности, среди них можно выделить следующие:

1. Глаголы мысли, обозначающие мгновенное возникновение мысли в уме субъекта (*пришло в голову, осенило, озарило* и др.). Такие глаголы являются в полном смысле моментальными (термин Ю. Д. Апресяна), так как они не могут иметь конкретно-процессуального значения и обозначают действие, выполняемое в один, не разложимый на составные части прием [1: 219–220]. Пользуясь термином И. Б. Шатуновского, такие глаголы являются «двухситуативными» [9: 313].

2. Глаголы, обозначающие целостный акт образования мысли в его «развертывании» (*подумал*).

В докладе предполагается рассмотреть также другие аспектуальные особенности и группы глаголов мысли.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
3. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2001.
4. Кондратенко Л. И. Глаголы интеллектуальной деятельности: На примере текстов прозы И. С. Тургенева. Воронеж, 2005.
5. Маслов Ю. С. Вид и лексические значения глагола // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1948. Т. VII. Вып. 4. С. 303–316.
6. Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Авторы: Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, М. Я. Гловинская, Т. В. Крылова. Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.
8. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива). М., 1996.
9. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996.

Развитие страдательного значения у предикативных форм возвратных глаголов совершенного вида

В. И. Гаврилова

Московский городской педагогический университет

v_gavrilova@comtv.ru

Страдательный залог, конверсивные конструкции, квазипассивные конструкции, декаузативные глаголы

Summary. Technological progress has caused both domination of collective character of agent in the bulk of modern productive activity and the complete automation of processes. So nowadays there is no real border between initiation and execution of actions. That is why morphological pattern of predicates of Russian decausative (= quasipassive) constructions (with initiated character of processes) started to be widely used in Russian passive constructions (with executive character of processes).

1. Предмет и задачи исследования

Вопрос о возможности развития страдательного значения у возвратных глаголов совершенного вида (СВ) в последнее время стал предметом дискуссий [4]. Наше исследование посвящено предикативным формам возвратных глаголов СВ, выступающим в качестве сказуемых в конструкциях с подлежащим кореферентным напрямую дополнению парного переходного глагола. Такого рода конструкции мы предлагаем называть конверсивными конструкциями. Конверсивные конструкция с возвратным глаголом СВ является конструкцией (1).

(1) *Москва построилась не сразу.*

(2) *Москву построили не сразу.*

(3) *Москва была построена не сразу.*

Задачей исследования является приведение аргументов в пользу признания употреблений возвратных глаголов СВ в составе конверсивных конструкций формами страдательного залога и демонстрация широкой употребительности такого рода конверсивных конструкций.

2. Какого залога глагол-сказуемое построился в конструкции (1)?

Если исходить из бинарной концепции залога, излагаемой в [5], то возможен выбор одного из двух категориальных

залоговых значений: действительный залог или страдательный залог.

Признание *построился* в примере (1) формой действительного залога, представляется сомнительным. Ведь истолковать по-разному значения глагола *построить* в (1) и *построиться* в (2) можно, лишь апеллируя к понятию диатезы, поскольку рассматриваемые глагольные формы совпадают по своему лексическому значению и различаются лишь способом морфологического оформления компонента с ролью пациенса.

Наличие параллельной переходной конструкции (2) свидетельствует о пациентивной роли подлежащего конверсивной конструкции (1), а это является одним признаков страдательного характера этой конструкции. Однако возвратные формы глаголов СВ отсутствуют в хрестоматийной схеме противопоставления действительных и страдательных конструкций, и формами страдательного залога глагола СВ *построить* объявляются предикативные причастные формы *построен*, *был построен*, *будет построен*.

3. Представление значения сказуемого конструкции (1) в словарях

Отметим, что значение, которое глагол *построиться* имеет в (1) вообще никак не представлено почти ни в одном из

толковых словарях русского языка. Единственным толковым словарем, в котором присутствует рассматриваемое значение глагола *построиться*, является [6], где оно стоит первым среди других значений:

Построиться сов. 1) Выстроиться, стать построенным. 2) разг. Выстроить себе дом или другие постройки. 3) Встать в строй, расположиться в определенном порядке.

Приводимое в этом словаре толкование констатирует синонимичность значений предикативных форм в (1) и (3) за исключением оппозиции динамичности значения формы *построилась* и статичности значения формы *была построена*. Наличие противопоставления «динамичность — статичность» может быть отнесено за счет особенностей грамматической природы финитной и причастной предикативных глагольных форм, поэтому мы вправе интерпретировать предикативную форму *построилась* в (1) как форму страдательного залога. Напомним, что английский пассив также реализует статичный и динамичный варианты, используя соответственно связки *be* и *get*.

4. Многочисленность страдательных конструкций с возвратными глаголами СВ

В грамматике [5] допускается конкуренция форм страдательного залога выраженных предикативными формами кратких страдательных причастий и возвратными глаголами СВ, но при этом оговаривается немногочисленность варианта выражения страдательного значения с помощью возвратных глаголов СВ. Однако анализ материала русскоязычного интернета показывает, что примеры, в которых формы *построится* и *построился* выступают в значении 'Выстроиться, стать построенным', т. е. в страдательном значении, весьма многочисленны и более того существуют примеры страдательных конструкций, в которых контекст (в большинстве случаев специфика семантики сопутствующих наречий) делает предпочтительным употребление форм в качестве сказуемых возвратных глаголов СВ:

Но ведь когда есть материал, есть строители, то все вероятия за то, что новый дом построится лучше прежнего.

По его мнению, производители должны предусмотреть модельный ряд малоэтажных домов на любые запросы и возможности. «Мы должны обеспечить всю палитру. Элитное жилье и без нас с вами построится», — пояснил первый вице-премьер.

Однако тот факт, что ты не знаешь строителя, не мешает тебе признать, что он был построен разумным человеком. Сделать вывод, что дом построился сам собой, было бы глупо.

Еще не построился, зато уже горел (заглавие статьи о возгорании строящегося здания).

Этот мир вы должны построить. Он не должен построиться как-то для вас: вы постоите, подождете — он построился, и вы спокойно приняли ключи от «квартиры», вошли в Царство Небесное. Замечательно!

Ранее это было садовое товарищество, постепенно коттеджи стали вытеснять маленькие дачные домики. В настоящее время поселок построился, в нем тихо и чисто.

В Ялтинском государственном горно-лесном заповеднике самостийно построился дачный поселок «Звездное небо», закрытый для простых смертных.

Город только построился, а люди уже хлынули...

Город, который построился сам собой (название статьи, посвященной городу Иерусалиму).

Не стал Янка ей перечить: открыл при жене табакерку, велел помощнику — и построился мост. Переехали они в меев замок.

Что Он разрушит, то не построится; кого Он заключит, тот не высвободится. Ис. 22, 22.

Построился рынок и сразу меняем весь уголь на еду и все золото и железо на дерево... (Тактика игра на ресурсах «Миллионы»).

5. Причины возникновения тенденции роста количества страдательных конструкций с возвратными глаголами СВ в качестве сказуемых

Страдательными конструкциями являются частным случаем конвертированных конструкций. Сказуемыми страдательных конструкций являются глаголы со значением процессов антропогенного воздействия человека на неодушевленные субстанции. Другим частным случаем конвертированных конструкций являются декаузативные (квазипассивные) конструкции с декаузативными глаголами [3]; [1]; [2]. Декаузативные глаголы это глаголы, обозначающие такие изменения неодушевленных субстанций, которые могут происходить всецело в рамках неживой природы, без участия человека: солнце может нагреть воду, магма может расплавляться при извержении вулкана, упавший с горы камень может расплющить яблоко и т. п. Но развитие ноосферы не безразлично и для разворачивания стихийных процессов неживой природы, так как ноосфера обеспечивает возможность целенаправленной инициации, «запуска», процессов изменения природных субстанций. В декаузативных конструкциях отсутствуют какие-либо ограничения на употребление возвратных глаголов СВ.

Наше время это время, когда роль исполнителя действия размывается, поскольку все чаще с роли создателя выступает иерархически организованный коллектив, некоторый «человеческий муравейник». И как следствие этого процесса деятельность человека по изменению среды своего обитания все большей степени осознается как геологическая сила. Кроме того, благодаря новым технологиям постиндустриального общества в быт широко внедряются полностью автоматизированные устройства, использование которых превращает человека из исполнителя необходимых в его жизни деяний, в их инициатора, в персонку, которой надо лишь нажать кнопку, чтобы получить необходимый результат. За счет этого размываются границы между страдательными и декаузативными конструкциями, и как следствие этого модели грамматического устройства декаузативных конструкций проникают на территорию страдательных конструкций, а именно в современном узусе увеличивается объем страдательных конструкций с возвратными глаголами СВ в качестве сказуемых.

Литература

1. Гаврилова В. И. Возвратные глаголы совершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Том IV. М. 2004. С. 43–76.
2. Гаврилова В. И. Термины «декаузатив» и «квазипассив» как конкурирующие термины // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник научных трудов в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 190–213.
3. Падучева Е. В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52–79.
4. Перцов Н. В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 43–71.
5. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.
6. Словарь русского языка: В 4 т. // Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. М., 1999.

Глагольный вид с семантической, синтаксической и прагматической точки зрения

Я. Гвозданович

Гейдельбергский университет имени Рупрехта-Карла (Германия)

Jadranka.Gvozdanovic@t-online.de

Вид, квантифицирующие наречия времени, ситуативные рамки, импликатуры

Summary. The paper discusses the contribution of aspect and temporal quantifiers to the constitution of situational frames in contexts which give rise to implicatures and provide the background for interpretations.

Традиционно в исследованиях по аспектологии глагольный вид рассматривается как грамматическая категория глагола. Кроме того, указывается на то, что и синтаксис играет дополняющую роль в виде приглагольного дополнения (которое

не может быть опущено у глаголов совершенного вида). В моем докладе, наряду с семантическим определением глагольного вида в русском языке (целостность и достижение внутреннего предела действия, маркированные у глаголов

совершенного вида, вследствие чего и передается переход в новое состояние и соответственная смена ситуации, и немаркированные у глаголов несовершенного вида, вследствие чего возможный переход в новое состояние не сигнализируется), рассматривается подробнее тот факт, что глагольный

вид является признаком сказуемого, который основывается на совместной концептуализации глагола и его дополнений. В контексте при помощи вида и квантифицирующих наречий времени создаются ситуативные рамки, на фоне которых возникают импликатуры и осуществляются интерпретации.

Потенциальные глагольные формы: из системы в узус и из узуса в систему

М. Я. Гловинская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

marinaglov@yandex.ru

Система, узус, потенциальные формы, вторичные имперфективы, причастия будущего времени.

Summary. The first section of the paper is concerned with the potential of the system which is only partially implemented in current usage. This trend is illustrated with the material of secondary imperfectives. The second section deals with the opposite trend, i. e. phenomena which are widely spread in current usage but whose status in the system is not yet fully established. This trend is illustrated with the material of future tense participles.

Доклад состоит из двух частей. Первая часть посвящена потенциальным видовым глагольным формам, вторая — причастиям совершенного вида будущего времени.

В первой части речь идет о возможностях системы, не реализованных в узусе в полной мере; во второй, напротив, предметом рассмотрения служат явления, распространенные в узусе, и обсуждается вопрос, в какой мере их можно считать уже вошедшими в систему. Если в первом случае речь идет о потенциях, заложенных в самой системе, то во втором — об узусном явлении, которое может еще только претендовать на вхождение в систему.

Таким образом, слово «потенциальный» используется применительно к этим случаям в двух разных смыслах: во-первых, это кандидат на вхождение в узус (из системы) и, во-вторых, кандидат на вхождение в систему (из узуса). Обычно в литературе термин «потенциальный» используется только в первом смысле (о потенциальных словах и их критериях см. [1]; [3: 217–226]; [4: 180–200]).

1. Потенциальные видовые корреляты

Рассматриваются случаи, когда форма одного из видов реальна, а другого вида — потенциальна. Например, *сболтнуть (лишнее)* — *сболтывать*: потенциальный НЕСОВ; *погребать* — *погрести*: потенциальный СОВ.

Критерии потенциального видового коррелята.

Первые два критерия совпадают со словообразовательными критериями потенциального слова.

1. Выводимость по продуктивным правилам системы.
2. Отсутствие в узусе.

Об отсутствии потенциальной формы в узусе можно говорить как при ее полном отсутствии в текстах, так и в случае единичного присутствия. Разница между этими двумя ситуациями принципиальной не является, так как существование потенциальности и состоит в том, что можно создать необходимую форму в любой момент, так сказать, для одноразового употребления.

Возникновение потенциальных форм в разговорной речи большей частью связано с коммуникативной потребностью: благодаря потенциальной форме говорящий создает для себя возможность употребить более простую синтаксическую конструкцию и точнее выразить нужный смысл; ср. *Да он теперь все время растрезнивается и плачет* vs. *Да он теперь все время бывает растрезниган и плачет*. Если в первом случае речь идет о частом возникновении данного состояния, то вторая фраза указывает на постоянное пребывание в этом состоянии.

3. «Странность» для носителя языка.

Этот критерий отличает видовую потенциальность от словообразовательной. Потенциальный видовой коррелят воспринимается носителем языка как странное слово. Ср. «не звучит» [7: 104], «искусственность глагола» [6: 11], «системное ненормативное словообразование» [5: 124], «нестандартность» [5: 137].

В докладе ставятся следующие вопросы:

1. Все ли потенциальные видовые формы одинаково странны или одни воспринимаются как более странные, а другие — как менее?

2. Все ли носители языка оценивают их одинаково или для одних носителей какая-то форма будет странной, а для других — нормальной?

3. Происходят ли в массиве потенциальных видовых форм подспудные процессы, в результате которых некоторые из них становятся менее странными и приближаются к тому, чтобы войти в узус из системы?

Для ответа на эти вопросы был проведен небольшой эксперимент.

Были составлены 40 фраз, содержащих потенциальные видовые формы. Эти формы были отобраны из следующих источников: материал для них отбирался следующим образом:

1) форма есть в словарях (в качестве основных словарей привлекались Словарь Ушакова — Суш, БАС, МАС, Грамматический словарь А. А. Зализняка — ААЗ). Проверка в текстах проводилась по электронному корпусу текстов Сектора теоретической семантики ИРЯ РАН. Объем корпуса — 34 миллиона словоупотреблений, но мне и информантам «под рукой» представляется странной, например, *заслуживать (пол)*, *издерживать* и др.);

2) формы нет в словарях, но мне кажется допустимой, например, *довоевывать*;

3) форма есть в одних словарях, но отсутствует в других, например, *изрубцовывать* (есть в МАС и БАС, нет у ААЗ);

4) форма оценивается как потенциальная в работах других авторов, но мне кажется нормальной, например, *выпалывать*.

Экспериментальные фразы были предложены для оценки 11-ти студентам РГГУ в возрасте 20–21 года. Студенты оценивали их по шкале «нормально» — «странно».

В мою задачу не входило ни полное обследование всего инвентаря потенциальных форм, ни проведение полноценного статистического обследования. Для ответа на поставленные вопросы было достаточно найти примеры, подтверждающие в принципе наличие какого-то свойства или благоприятствующего фактора.

Результаты распределились по трем группам:

1) преобладающая оценка — «нормально» (всего 4 слова, примеры: *перецеловывать*, *вылепливать*, *услуживать*);

2) преобладающая оценка — «странно» (17 слов, примеры: *истыкивать*, *издерживать*, *ущипывать*);

3) разброс оценок (18 слов, примеры: *довоевывать*, *омертвевать*, *застукивать*).

В результате эксперимента обнаружилось интересное свойство потенциальных форм, а именно, зыбкость их оценки у одного и того же носителя языка. Конкретный носитель может по-разному оценивать один и тот же глагол в разных контекстах или в разное время (с интервалом буквально в несколько дней).

Тем не менее, эксперимент позволил предварительно ответить на поставленные вопросы. В частности, отмечена возможность продвижения потенциальных имперфективов с течением времени к нормативному узусу.

2. Причастия совершенного вида будущего времени

Эта форма отсутствует в грамматической системе русского языка. Как известно, в нем действует правило, по которому парадигма причастных форм включает в себя только причастия прошедшего и настоящего времени, т. е. *писавший* — *написавший* — *пишущий*, при невозможности **напишущий*. Однако в последние десятилетия этот участок в грамматике русского языка стал развиваться. Ср. *Подспудный, почти сказочный сюжет Довлатова — поиски насто-*

ящего Пушкина, *открывающего тайну, которая поможет герою стать самим собой* (А. Генис); *Но теперь гляжу в Интернет и уже не горю / стыдобой, злобой на рот, не прошепчуций «да»* (Н. Горбаневская).

В массовом масштабе такие формы представлены в Интернете и в языке mass-media [2: 209–216]. Но процесс развития касается не только расширения употребительности.

Меняется оценка этих форм как лежащих за пределами литературной нормы. Это касается в первую очередь отдельных лексем (ср. *сумлеющий*). Но среди наших информантов были и такие, которые воспринимают эту форму как регулярную и образуют ее от любых глаголов как нормативную (люди с высшим образованием, с прекрасным литературным языком).

Таким образом, мы видим, что в области вида происходит реализация системной модели в узусе, между тем как в области причастий, наоборот, узусные формы стремятся к нормализации и тем самым к продвижению в систему.

Разработанность идей «предела» и «стабильности» во внутриглагольном словообразовании русского и японского языков

Ю. Канэко

Университет Иватэ (Мориока, Япония)

ykaneko@iwate-u.ac.jp

Аспект, внутриглагольное словообразование, семантическая доминанта, сопоставление

Summary. The systematic nature of language-specific semantic dominants (SD) is characterized, alongside other specifics, by their high degree of elaboration in forms and meanings on different levels of the language in question. Aspectual SD «limit» in Russian and «stability» in Japanese are manifested not only in grammar of aspect, but also in the onomasiological categories of word-formation. In these languages, different phases of a dynamic situation are modified and specified in more / less detail and derivatives expand / limit the range of a particular semantic domain of actionality.

Цель нашего исследования заключается в выяснении системности семантической доминанты (СД) «предел» русского и СД «стабильности» японского языков. В данном докладе мы рассмотрим особенности структур внутриглагольного словообразования в сравниваемых языках, обращая внимание на их ономазиологическую сторону, семантическую и словообразовательную разработанность того или иного фаз протекания глагольного действия.

На фоне развития когнитивной лингвистики, а также связанного с ним возрастающего интереса к изучению языковой картины мира (ЯКМ) все большее внимание уделяется лингвоспецифическому оформлению различных фрагментов мира. Притом предметом анализа ЯКМ могут служить не только конкретный лексический состав, но и грамматические конструкции, а также словообразовательные компоненты. Последние, создавая особые ономазиологические категории, являются важными «координатами» в изучении влияния языка и ЯКМ на творческую деятельность человека в сфере познания и преобразования мира [2: 171–172]. По поводу первого, т. е. ЯКМ в грамматике, отмечается в ряде работ особая разработанность понятийной сферы «неопределенность» в русском языке [9], [3], а также значимость концепта «предел» в аспектуальной категории русского языка в сравнении с западнославянскими языками [4]. В частности, доминирующие идеи «предела» в русском языке особо заметны на фоне японского языка, в котором «по языковому вкусу» большое внимание уделяется на стабильные фазы протекания действия (состояние и процесс) [1]. В поисках какой-либо СД того или иного языка «кандидат» на статус СД, при этом, должен проявить свою особую значимость на разных уровнях отдельно взятого языка. Другими словами, нам следует учесть ее системный характер, проникнутый данный язык в целом.

Исследователями отмечено, что в разных языках в разной мере модифицируются / детализируются та или иная фаза протекания действия и акциональные характеристики проявляются неодинаковым образом в разных языках, в результате чего глаголы по морфологическому и семантическому структурам классифицируются по различным принципам, более значимым для того или иного языка ([5], [7], [8] и мн. др.). По поводу различий языкового оформления в разноструктурных языках (например, аффиксация в русском языке и сложение в японском) В. С. Храковский справедливо отмечает, что для описания большей части аспектуальных глагольных значений, выделяемых в различных языках,

1. Винокур Г. О. Маяковский — новатор языка. М., 1943.
2. Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред Л. П. Крысин. М., 2008. С. 187–270.
3. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
4. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
5. Ремчукова Е. Н. «Потенциальная имперфективация» в разных типах современной русской речи // Труды аспектологического семинара филол. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 4. М., 2004. С. 124–145.
6. Чанг П.-Ч. Лексикографические проблемы представления видовой парности в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ, 1999.
7. Черткова М. Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.

с типологической точки зрения более правомерно использовать понятие способа действия, а не понятие вида [6: 5].

Нет необходимости уже говорить о теснейшей связи между внутриглагольным словообразованием в частности способности глагольного действия (СГД) и грамматической категорией вида в русском языке, поскольку она реализуется как частный случай на более широкой и объемной арене глагольного словообразования. СГД, как они обычно представляются в грамматиках русского языка, однако, не «сбалансированы» в том смысле, что в русском языке модификация процесса / состояния семантически и морфологически не так разбита по сравнению с модификацией предельных моментов действия, которые хорошо дифференцированы в фазовых и результативных СГД. При этом словообразовательные аффиксы различаются грамматическими и лексическими функциями. Подавляющее большинство префиксов перфективизирует исходный глагол НСВ, модифицируя простое, исходное действие дополнительным лексическим значением. Фазисные приставочные, конфиксальные дериваты, как правило, одновидовые глаголы СВ. Суффиксы же модифицируют действие в основном по отношению к количественно-временным признакам и не привносят в дериваты конкретно-лексические значения, как приставки.

В японском языке аспектуальная характеристика протекания глагольного действия также тесно связано с внутриглагольным словообразованием (сложение двух глаголов). Интересно отметить, что внутри отглагольного словообразования японского языка разнообразно модифицируются стабильные фазы действия, конкретизируются способы протекания процесса и отношение субъекта к действию. Это, безусловно, не исключает в японском языке возможность дериватами выражать варианты предельных моментов, но их реализация в высказываниях сильно отличается от русского языка. В докладе будет показан результат сопоставительного анализа употребления в речи отглагольных дериватов с фазисными значениями обоих языков, а также рассматриваются способы / приемы передачи производных значений, связанных с СД того или иного языка, употребляемые в переводческой практике между сравниваемыми языками.

Литература

1. Канэко Ю., Петрухина Е. В. Семантические доминанты русской и японской аспектуальных систем // Вопросы языкознания. 2004. № 4.
2. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.

3. Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave. Problemi di morfosintassi delle lingue slave*. 5. Padova, 1996.
4. Петрухина Е. В. Доминантные черты русской языковой картины мира (в сравнении с чешской) // X Конгресс МАПРЯЛ. Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания: сборник докладов. Т. 1. СПб., 2003.
5. Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
6. Храковский В. С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Аспектуальность и средства ее выражения. Тарту, 1980. 537
7. Ikegami Yoshihiko. 'Activity' — 'accomplishment' — 'achievement': A language that can't say 'I burned it, but it didn't burn' and one that can // Makkai A., Melby A. K. (eds.). *Linguistics and philosophy: Essays in honor of Rulon Wells*. Amsterdam, 1985.
8. Tatevosov S. The parameter of actionality // *Linguistic typology*. 2002. Vol. 6. № 3. P. 317–401.
9. Wierzbicka A. *Semantics, Culture, and Cognition*. Oxford, 1992.

Критерий обязательности грамматического значения и типы категории вида

К. Р. Керимов

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

kerimk@mail.ru

Типы категории вида, критерий обязательности грамматического

Summary. It considers the relation of sing engagement grammatical meaning to categories by aspect uninflected and inflected types. Regularity of electoral actualization of aspective meanings is based only in the same sygments of inflected paradigm for example verb's paradigms of Lezgi and English languages.

Категории вида разных языков обычно обсуждаются как нечто единообразное — в свете параметров русской категории вида. Поэтому видовые оппозиции других языков предстают как нечто нестандартное. Ср.: «Если же аспект выражается словоизменительной категорией, то, как правило, в таких глагольных системах возникают дефектные парадигмы... и / или обширные зоны нейтрализации» [2].

В критическом обсуждении концепции грамматического как обязательного в [2] признак обязательности признается релевантным именно для словоизменительных категорий. Более того, учитывая традиционное широкое понимание грамматического, по отношению к обязательно выражаемым значениям вместо термина грамматическая категория предлагается, вслед за И. Мельчуком, термин словоизменительная категория. Для случаев отсутствия у словоизменительных грамматических значений признака обязательности предлагается понятие квазиграммемы.

Примеры квазиграммем, приводимые Н. В. Перцовым, — это, как правило, периферийные значения, не входящие в системные грамматические оппозиции. Видовые оппозиции, составляющие основу словоизменительной парадигмы глагола, вряд ли можно отнести к квазиграммемам. Тем не менее, именно словоизменительные грамматические значения вида лезгинского, английского, романских языков оказываются необязательными для каких-то сегментов парадигмы.

Категория вида русского языка — «несловоизменительная» [3]. В то же время, видовые значения русского глагола, напротив, имеют статус абсолютной обязательности. Отсутствие такой обязательности — тотального охвата видовыми значениями всех глагольных форм — становится иногда препятствием для признания грамматическими категориями

видовых оппозиций иной структурной организации, нежели русская оппозиция глаголов СВ и НСВ.

Обязательность грамматических значений вида относительна, она различна для категорий вида разного типа. В русском языке грамматические значения СВ или НСВ принадлежат глаголу как слову в совокупности его форм, наподобие значения рода существительному. Поэтому русский вид и определяется как несловоизменительный.

В лезгинском, английском и др. языках со словоизменительным видом значения перфективности или имперфективности принадлежат не слову, а формам слова. В этом словоизменительные видовые значения аналогичны значениям грамматической категории времени, которые актуальны для индикатива и необязательны для ирреальных наклонений.

Видовые значения в большей степени релевантны для форм, описывающих непосредственно воспринимаемые ситуации, в меньшей — для плана будущего или, например, для узальных ситуаций. Поэтому словоизменительные парадигмы глагола в лезгинском и английском языках по отношению к видовым значениям структурированы из трех рядов форм: перфективного ~ имперфективного ~ нейтрального, или СВ ~ НСВ ~ НОВ (неопределенного вида). Такая организация словоизменительной категории вида закономерна, если исходить из ее функциональной природы.

Литература

1. Перцов Н. В. Грамматическое и обязательное в языке // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 39–61.
2. Плузьян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М., 2000.
3. Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М., 1980.

Русский безличный пассив на -н, -т

Ю. П. Князев

Санкт-Петербургский государственный университет

kyр@mail.natm.ru

Пассив, безличность, переходность / непереходность глагола

Summary. The paper considers main varieties of Russian impersonal passive constructions with -n, -t participles derived from syntactically intransitive verbs. The attention is given both to structural and semantic properties of these constructions.

Считается, что в литературном русском языке конструкции, сочетающие пассивную морфологию с незаполненностью позиции подлежащего, «почти не встречаются» [4: 202]. Между тем, пассивные конструкции, в которых отсутствует материально выраженное подлежащее в им. падеже, а сказуемое имеет фиксированную «безличную» форму ед. числа ср. рода, отнюдь не редкость. Их можно разделить на три основные группы в зависимости от фактора, вызывающего такое оформление конструкции.

1. «Инкорпорированность» («встроенность») представления об объекте в значении синтаксически непереходного глагола; ср.: *наследить* 'оставить следы', *ответить* 'дать ответ', *накурить* 'наполнить помещение дымом', *телегра-*

фировать 'дать телеграмму', *покончить* 'положить конец', *спросить* 'задать вопрос', *свистнуть* 'издать свист' и т. п.: *Если из Страсбурга поступит такой документ, на него будет отвечено после изучения обстановки в изоляторе* (Известия, 10.02.1993); *С математикой было покончено. Эта наука не для него* (Д. Гранин); *Худенький, болезненный лакей-коридорный, виновато опустив глаза, объяснял, что завтра покойницу заберут, родственникам телеграфировано* (М. Рошин); *Во времена Николая I снова пошли гонения на раскольников, и приказано было иконы у них отбирать* (Д. Гранин); *За время ожидания Евгения Николаевна наслушалась рассказов о дочерях, которых не прописали у матерей, о парализованной, которой было отказано в про-*

писке у брата (В. Гроссман); — **Свистнуто**, не спорю, — снисходительно заметил Коровьев, — действительно **свистнуто**, но, если говорить беспристрастно, **свистнуто** очень средне! (М. Булгаков).

2. Обозначение объекта не беспредложным вин. падежом, а как-то иначе: а) род. падежом в разных значениях: *Было у него еще одно развлечение <...>*, — это по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случилось, бумажек <...> **было понапишано** во все карманы рублей на семьдесят (А. Чехов. Ионыч); *А межведомственная комиссия, кстати, заседает до сих пор; ответа о причинах предыдущей аварии так и не получено* (Известия, 15.02.1997); *Ни одного шага не сделано, ни одного решения не принято в ущерб интересам России* (Известия, 22.10.2001); б) твор. падежом объекта содержания: *Марьяша подобострастно смеялась, мать отводила глаза, и Николай понял, что о нем отцу сказано не было* (М. Рошин); *При передаче разговора обо всем этом забыто* — и о половых, и об органе, и о соседке-старичке (А. Чудаков); в) дат. падежом в дистрибутивном значении: *У нее пять кукол. на каждую заведено по дневнику и пять тетрадок* (В. Крупин); г) «вторым» род. падежом: *За лето накопано было торфу поsville и сложено штабелями для просушки* (А. Солженицын).

3. Незнаемость объекта при его непосредственном присутствии в ситуации или самоочевидности: *Роспотребсоюз, Краснодарский край должны «Истоку» сотни миллионов. Так что за товары еще не получено, а налоги за них уже отданы* (Известия, 23.10.1992); *Пароход упорно идет вперед, сильно переваливается с боку на бок. Третий класс набит битком, воздух спертый. <...> Где бы примоститься? Битком набито* (В. Голявкин); то же в объявлениях типа: *Осторожно, окрашено; Закрыто на 10 минут*.

По сравнению со стандартным перераспределением ролей, наблюдающемся в пассивных конструкциях, в безличном пассиве оно выполняется как бы «наполовину»: субъект уходит с позиции подлежащего, но эта позиция не замещается объектом в силу особенностей его оформления или невыраженности; иначе говоря, «глагол приобретает пассивную форму, но ничто не продвигается в позицию подлежащего — другие именные группы просто сохраняют свои прежние роли» [1: 269].

Подразумеваемым субъектом в таких конструкциях, как правило, является человек. Это универсальная тенденция: «языки, допускающие пассивизацию непереходных глаголов, образуют шкалу, где максимум требуемой агентивности протагониста — это „идеальный“ агент, каковым является говорящий. <...> Снижение агентивности связано с ослаблением комплекса требований к протагонисту, в том числе таких, как одушевленность и волеитивность» [5: 280]. Отклонения от этой закономерности очень редки, однако

встречаются, причем не только в диалектах: *Ночевано во дворе у коней-то; Это у собаки бежено; Здесь верно у дождя быто; Нынче рано растаяно* [3: 123–125]; [2: 108–109], но и в литературном языке: *Стоит куст. С него кора содрана. Под кустом натоптано, наслежено. Следы заячьи* (В. Бианки); *У Любови Ивановны родители живут за городом, в Котуаре, там свой дом, сад, лес рядом, снегу навале-но* (М. Рошин) — снегу навалило.

Примечательно, что безличные конструкции с причастиями на -н, -т, характерные для русского литературного языка, существенно отличаются от диалектных, где они образуются гораздо свободнее. Судя по спискам примеров, приведенным в [2: 107–110], в диалектах лексической базой для них являются в основном следующие группы глаголов: а) глаголы СВ со значением перемещения в пространстве и изменения состояния: *У ней в Щелейки поехано; У них встало уже; У меня уж привыкнуто*; б) неопределенные глаголы НСВ: *Было сижено и гуляно часов до четырех; У него в деревне много жито*; в) делимитативные глаголы СВ: *Пожито было, погрешено, людей посмешено; Поработано у ей досыти; У меня много было поревлено*.

В литературном языке причастия на -н, -т глаголов НСВ малоупотребительны, а среди соотносительных с непереходными глаголами НСВ можно назвать, видимо, лишь *хожено* и *езжено*: <...> *да не мешало бы, дескать, в баньку сходить — три года не хожено* (М. Зошенко); *Яков Прокочыч посмотрел на Егора, прикинул, потом спросил: — На моторе ходил когда? — Ходил!.. На моторе хожено-езжено! Это не беспокойтесь! Это мы понимаем* (Б. Васильев); *Пошли вдоль забора по не очень ясной тропинке — хожено тут было мало* (Ю. Трифонов). Нехарактерны причастия на -н, -т и для делимитативных глаголов СВ, хотя это ограничение и не является абсолютным: *Наступило лето. Вся кафедра знала, что дочка Дольского поступает в институт. Со всеми было переговорено, выпито коньяку, похлопано по плечу, пошучено, попрошено. И все-таки он волновался, особенно за сочинение* (И. Муравьева).

Литература

1. Кинэн Э. Л. К универсальному определению подлежащего // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
2. Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
3. Матвеев В. А. Некоторые особенности структуры страдательного оборота в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 2. М., 1961.
4. Плуменя В. А. Общая морфология. М., 2000.
5. Сибатани М. Переходность и залог в свете фактов японского языка // Типология и теория языка: От описания к объяснению. М., 1999.

Еще раз о видовом и лексическом значении приставки *по-*

Т. В. Миллиареси

UMR 8163 STL, CNRS & Университет им. Шарля де Голля «Лилль III» (Лилль, Франция)

tatiana.milliaressi@uniV-lille3.fr

Вид глагола, русский язык, таксисная последовательность, приставка «по-»

Summary. This paper discusses the semantic analysis (grammatical, lexical) of the russian aspectual prefix *po-*.

1. **Постановка вопроса.** О значении глагольной приставки *по-* ‘некоторый период времени’ идут нескончаемые споры: обозначает ли он короткую длительность или любую длительность вообще, величина которой обусловлена контекстом. (В эту группу глаголов не входят глаголы, в которых приставка *по-* обозначает: оценку говорящим эволюции процесса (*цены повысились*), инхоативность / ингрессивность процесса (*я поверил ему*) или предельность процесса (*он послушал меня*.) Так, например, А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев [1: 94] считают, что приставка *по-* обозначает «некоторую порцию действия, оцениваемую как небольшую»:

(1а) *Можешь **попечатать** на моем компьютере.*

Ж.-П. Семон утверждает, наоборот, что эта приставка обозначает просто меру действия, независимо от ее величины, и дает следующий пример [5: 630]:

(2) *Лег Петя в сено, зарылся в него поглубже, согрелся, **поплакал** тихонько, утер слезы бородой и уснул.* (Е. Шварц)

Мне думается, что пример (2) ничего не доказывает, т. к. СВ *поплакал* обусловлен законами таксиса, а не семантикой выражения меры действия (невозможно сказать: *зарылся, согрелся, плакал, утер слезы, уснул*).

Интересна точка зрения М. Ю. Чертковой [3: 203], которая считает, что «значительность или незначительность времени протекания действия передается контекстом, а не приставкой» и дает следующие примеры (3а, 4а, 5а):

(3а) *Довольно **поцарствовали** над нами!* (Юность)

(4а) *Ребята, чувствуется, **пожили** там.*

(5а) *Уж очень **хорошо потрудилась** природа, создав в образе Катрин некий эталон красоты.* (Комс. правда)

2. Грамматическое значение. Представляется, что при анализе значения приставки *по-*, помимо контекста, необходимо учитывать еще два важных фактора:

а) отличие грамматического видового значения от лексического;

б) специфику грамматического и лексического значения.

В примере (2) приставка *по-* имеет грамматическое значение СВ, выражающее последовательность следующих друг за другом процессов. Это значение лексически десемантизировано и обусловлено таксисом. Точно также в примере (6а) употребление СВ обязательно (ср. с 6б, где НСВ невозможен):

(6а) *Я **по**занимался гимнастикой и стал завтракать.*

(6б) **Я **занимался** гимнастикой и стал завтракать.*

Та же ситуация в примере (5а), в котором СВ глагола обязателен из-за деепричастия прошедшего времени СВ. НСВ предстает невозможным (5б):

(5б) **Уж очень хорошо **трудилась** природа, создав в образе Катрин некий эталон красоты.*

НСВ может условно быть возможен, если поставить причастие настоящего времени (*создавая*). Однако, в примере (5а) употребление приставки *по-* обусловлено не только грамматическим контекстом, но и лексическим значением.

3. Лексическое значение. Для ясности аргументации о лексической специфике приставки *по-* необходимо рассмотреть примеры, в которых СВ глагола не обусловлен грамматическим контекстом, т. е. когда СВ можно заменить на НСВ. В этом случае возможно два варианта: либо НСВ возможен грамматически, но неприемлем лексически (4б); либо оба вида возможны как грамматически, так и лексически: НСВ отражает просто отрезок времени (3б), а СВ подчеркивает субъективную оценку говорящим этой длительности (3а) [4: 557]:

(4б) **Ребята, **чувствуется**, жили там.*

(3б) *Довольно **царствовали** над нами!*

В примере (4б) НСВ кажется неудачным, т. к. полностью меняется значение глагола. Глагол *пожить* имеет значение, не присущее основному значению глагола *жить*, а именно: «разг. Провести время в развлечениях, удовольствиях, насладиться жизнью» [2, т. 1: 236]. Таким образом, можно выделить две лексемы, одна из которых образует видовую оппозицию (*жить / пожить* 'некоторое время'), а вторая не имеет НСВ (\emptyset / *пожить* 'насладиться жизнью'). Следовательно, в (4а) СВ обусловлен лексикализацией значения глагола *пожить*, а не выражением отрезка длительности.

Лексическое значение приставки *по-* неоднородно, и мне думается, что не стоит полностью отказываться от значения

'непродолжительности действия', т. к. именно это значение является, на мой взгляд, основным и обеспечивает правильное речеобразование инофонам. Нельзя сказать:

(16) **Можешь **долго попечатать** на моем компьютере.*

(7) **Я **поработал** сегодня **целый** день.*

В примерах (16) и (7) лексическое значение приставки 'недлительный период времени' противоречит значению обстоятельства времени 'длительный период времени'. Значение непродолжительного периода времени включает также семантическую характеристику достаточности ('период непродолжителен, но достаточен'). Однако необходимо учитывать, что это значение может быть нейтрализовано лексически, например, при помощи обстоятельства, обозначающего интенсивность и насыщенность процесса. В этом случае приставка *по-* сохраняет значение 'период достаточен, независимо от длительности (короткой или длинной)': *поработать на славу, хорошо потрудиться, волюю погулять, вдоволь посмеяться* и т. д. В примере (3а) неизвестно, насколько долго «над нами царствовали», но *достаточно*; ясно, что, даже если этот период по объективным критериям длился недолго, автору высказывания по субъективным причинам ('невыносимо переносить эту несправедливую ситуацию') длительность процесса кажется чрезмерно продолжительной и достаточной. В примере (5а) помимо грамматического фактора, присутствует и фактор лексический, который обуславливает употребление глагола *потрудиться*: акцент делается на интенсивности и достаточности действия ('природа потрудились так, что результат налицо'). При отсутствии обстоятельств образа действия, обозначающих интенсивность и субъективную достаточность длительности процесса, семантическая характеристика непродолжительности процесса оказывается активизированной.

4. Выводы. При определении значения приставки *по-* необходимо отделять лексический фактор от грамматического (видового, т. е. обусловленного таксисом).

Литература

1. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Лекции по русской аспектологии // Slavistische Beiträge 353. Bd. 7. München, 1997.
2. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988. С. 236.
3. Черткова М. Ю. Типология и эволюция функционально-структурных моделей категории вида / аспекта // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова / Отв. ред М. Ю. Черткова. Т. 4. М., 2004. С.183–252.
4. Milliaressi T. L'information aspectuelle dans un dictionnaire explicatif bilingue // Proceedings XII EURALEX. V. I. Alessandria, 2006. P. 549–560.
5. Sémon J.-P. Postojat' ou la perfectivité de congruence: définition et valeurs textuelles // Revue des études slaves. 1986. LXIII / 4. P. 609–635.

Мутационные типы внутриглагольной префиксации в истории русского языка

Л. В. Табаченко

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

lyudmila-tabachenko@yandex.ru

Приставочные позиционные глаголы, словообразовательная мутация, история русского языка

Summary. The mutation types of verb prefixation are resultiveness-basyd and connected with the formation of the new cognitive structures developed by the actualization of animate, mental, and social planes of the verbal situation with an animate subject as the source of the above resultiveness and objectness.

1. История русской (и шире — славянской) внутриглагольной префиксации относится не только к сфере словообразования, она тесно связана с формированием категорий предельности, результативности и вида, а также с расширением таксонимических классов именных актантов, в частности актуализацией таких характеристик, как одушевленность и принадлежность к классу лиц.

2. Показательным для определения динамики внутриглагольной префиксации является обращение к истории приставочных позиционных глаголов *стоять, сидеть, лежать*, отразившей важнейшие этапы этого процесса. Древнейшие словообразовательные типы (СТ) позиционных глаголов (*обстояти, пристояти, надстояти, прѣдстояти* и др.) с пространственными приставками отражали этап развития языка, когда локальные префиксы могли сочетаться и со

статальными основами, поскольку еще не имели значения предельности и результативности. Развитие у приставок этих значений и возникшее противоречие между предельностью и результативностью пространственной приставки и статальности основы стали причиной исчезновения этих СТ (в современном русском языке остались некоторые их реликты).

3. При отсутствии «естественных» предельности, результативности и объектности в статальных позиционных глаголах развившаяся предельность и результативность префиксов могла трансформировать в объект и результат различные фрагменты называемого приставочным глаголом полиситуативного комплекса — ситуатемы, включающей не только ассертивную (ядерную) ситуацию, но и связанные с ней различными отношениями смежные ситуации [2]. При

формировании новых СТ в недрах результативного происхождения перестройка обозначаемого ими полиситуативного комплекса, формирование в качестве ядерных новых когнитивных структур, ориентированных или на перенос результативного фокуса на темпорально-фазовую ось (модификационные СТ), или на актуализацию анимальных, ментальных и социальных планов в качестве источника результативности и объектности [2], что приводило к формированию новой ядерной ситуации (мутационные СТ), связанной не с исходной основой, а с другим классом номинаций, — например, «получить», «захватить», «заработать», «пропустить», «растратить» и др., являющихся в определенном смысле последствиями базового действия [3].

4. Обратимся к некоторым мутационным СТ приставочных позиционных глаголов.

4.1. На базе результативно-накопительного СТ с приставкой *на-* выделяется специализированный мутационный СТ, обозначающий новую ситуацию («приобрести», «получить»), которая, в частности, может быть связана с «сидением» и «стоянием» отношениями причины и следствия или способа и результата:

настоять 1) «находясь на государственной военной службе по найму общины, выслужить какую-то сумму наемных денег» XVI–XVII вв. [4: 274]; 2) «стоять до каких-либо последствий» (*настоять комаров* стоять до приманки их; *Настояли противного вбтру*, о суднѣ, которое долго дождалось чего, стояло), а также «накопить долг» [1, т. II: 474];

насидеть 1) «сидением в тюрьме, в оковах довести до какого-л. размера сумму, подлежащую уплате в качестве пошлины судебным властям» (XVII в.); 2) «наготовить перегонкой, сбраживанием» (XVIII в. ~ XVII в.). [4: 244]; 3) «приобрѣтать, наживать, сидя на мѣстѣ, сидѣньем»; или «нажить долги, убыток, нпр. сидя въ кабацѣ, цѣловальникомъ» [1, т. II: 468].

4.2. В рамках словообразовательной мутации следует рассматривать и следующие значения глагола *засидеть*: 1) «находясь в заключении, израсходовать на пропитание» (XVII в.); 2) «долг засидѣть, отсидѣть в тюрьмѣ, заплатить сидѣнием в темницѣ» (XVIII в.). Ядерные ситуации, обозначаемые глаголом *засидеть*: 1) «израсходовать деньги (на пропитание во время сидения в тюрьме)»; 2) «заплатить, компенсировать, аннулировать долг (сидением в тюрьме)». Субъект-лицо, член социума может находиться («сидеть») в тюрьме, одновременно он участвует в определенных социальных отношениях: тратит на это денежные средства (источник объектности и результативности) или, наоборот, аннулирует этим долг (объект второго ЛСВ).

4.3. Объектная и результативная семы у глаголов *належать*, *насидеть* (руку, бок), *настоять* (ноги) могут возникнуть при одушевленных субъектах также потому, что объектами, способными изменяться до определенного результата, становятся части тела при их статичном положении

(физиологическая сторона субъекта), соприкасающиеся с поверхностью [2]. У глагола *належать* значение «от долгого статичного положения получить болезненные явления в какой-л. части тела» фиксируется с XVIII в., у *насидеть* и *настоять* — с XIX в. Эти значения отмечены также у позиционных глаголов с приставками *от-*, *про-* и *за-*: *бока пролежать*; *ноги засидеть*; *отлежать* и *отсидѣть* (бока), *отстоять* (ноги).

4.4. В современном русском языке позиционные глаголы могут образовывать приставочные дериваты в рамках продуктивных мутационных СТ, напр. «добыть, получить, найти что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом»: прост. шутил. *высидеть* (мысль, решение) при потенциальных *вылежать*, *выстоять* (мысль, решение); «истратить, израсходовать что-либо на действие, названное мотивирующим словом» — потенциальные *просидеть* (в кафе), *пролежать* (в солирии) *всю стипендию*.

5. Выводы. Развитие мутационной внутриглагольной префиксации связано на когнитивном уровне с развитием полиситуативности, чему способствует одушевленность именных актантов, в частности принадлежность их к таксономическому классу лиц, способных участвовать в нескольких смежных ситуациях. Динамика развития СТ демонстрирует определенные ступени отражения свойств субъекта в деривационных структурах. В древнейших пространственных СТ актуализируются только физические свойства субъекта как тела, локализованного в пространстве. Модификационные фазово-темпоральные СТ актуализируют процесс протекания, происходит перенос действия на фазово-темпоральную ось. Мутационные СТ, как правило, базируются на активности субъекта, на его представленности не только в пространственно-временном, но и в анимальном, психологическом, ментальном, социальном планах, представляющих комплекс смежных ситуаций. Продуктивность этих СТ, потенциализмы свидетельствуют об ориентации словообразовательной системы на эти планы человеческой деятельности. Усиление роли результативности, объектности и одушевленности (личности) в появлении новых СТ коррелирует с развитием грамматических категорий вида, объекта и одушевленности / неодушевленности.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1978.
2. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск, 1999.
3. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10 / Гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1983.

Русские глаголы с нулевой фазовостью

Е. Я. Титаренко

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Украина)

elenatit@mail.ru

Русский язык, русский глагол, фазовость

Summary. The report gives an analysis of category of phase as a specific verb category. It is given a definition of phase paradigm of the verbs and a description of Russian verbs with zero phase, which means that they do not have any phase paradigm due to different reasons.

1. Фазовость как лексико-грамматическая категория

В современной аспектологии фазовость трактуется как выделение одной из фаз протекания действия — начальной, средней, конечной. Такая концепция изложена в трудах Ю. С. Маслова [1], В. С. Храковского [4] и др. аспектологов. Наше понимание фазовости базируется на представлении об отношении неограниченного пределом процесса к его началу или завершенности, выдвинутому и обоснованному О. М. Соколовым [3]. В соответствии с этим между глаголами противоположных видов, находящихся в отношениях прямой словообразовательной мотивации, выделяются следующие типы фазовых отношений: начинательно-процессные (*пойти — идти; запеть — петь*); процессно-завершительные (*покупать — купить; петь — спеть*); однократно-мно-

кратные (*прыгнуть — прыгать; находить — найти*). Конец процесса может совпадать или не совпадать с его результатом, сюда включаются и отношения ограниченности (*гулять — погулять; спать — проспать 2 часа*). Фазовое значение завершительности в этих случаях является сопутствующим. Глаголы НСВ в русском языке обозначают процесс, потенциально способный к фазовой членности, а глаголы СВ называют реализованные фазовые пределы. Способы выражения фазовости в русском языке представлены в [5].

2. Фазовая парадигма

Фазовая парадигма глагола — это совокупность всех производных глаголов противоположного вида одного производящего, каждое из которых составляет с исходным глаголом словообразовательную пару, имеет мотивационные от-

ношения и выражает один из фазовых пределов [6]. В фазовую парадигму глаголов НСВ входит и супплетивная видовая пара и некоторые глаголы НСВ, выражающие одно-многократные фазовые отношения (многократные, прерывисто-

3. Нулевая фазовость

Глаголы, у которых в фазовой парадигме есть только одна лексема, мы называем глаголами с нулевой фазовостью. Таковыми являются в первую очередь глаголы СВ, не имеющие в современном языке ни одного деривата, т. н. одиночные, такие как *очутиться*, *осунуться*, *улизнуть*, *несдобровать*, *воспрянуть*, *встрепенуться*, *выдюжить* и др. Эти глаголы отличаются нулевой словообразовательной валентностью, они не имеют видовых пар и в силу грамматической семантики своего вида не могут иметь таких дериватов НСВ, которые обозначают способный к фазовой членности процесс. Однако есть в русском языке глаголы СВ, имеющие словообразовательные парадигмы, в которых нет глагольных дериватов, т. е. также с нулевой фазовостью, например: *оторопеть*, *помешаться* ('сойти с ума').

Среди глаголов НСВ также встречаются одиночные (по данным словаря А. Н. Тихонова [7]): *значиться*, *ютиться*, *явствовать*, *тюткаться*, *скворчать* / *шкварчать*, *выкаблучиваться* и др. Проверка этих глаголов по НКРЯ [2] показала, что наиболее употребительными из них являются *значиться* (1710 употреблений), *явствовать* (546), *ютиться* (365), префиксальных дериватов СВ (т. е. синтетических средств выражения фазовых пределов) они не имеют, но и аналитически (с помощью специальных фазовых глаголов) фазовость не выражают. Иными словами, сочетаний типа **стало / перестало явствовать* и под. в НКРЯ не зафиксировано. Среди перечисленных выше одиночных глаголов НСВ имеется только один пример сочетания с фазовым глаголом (*стали выкаблучиваться*) [2]. Хотя теоретически можно предположить наличие сочетаний **начал / начинает / перестал / закончил тюткаться, скворчать* и т. п.

Среди глаголов Imperfectiva tantum имеются такие, которые не способны выражать фазовость синтетически в силу своей нулевой префиксальной валентности (*стоит*, *весить*, *заведовать*, *зависеть*, *отсутствовать*, *принадлежать*, *соответствовать*, *содержаться* и т. п.). Часть из них употребляется в дискурсе в сочетании с фазовыми глаголами, что свидетельствует об аналитическом выражении ими фазовости. Так, примеров употребления конструкций *стать + стоять* в НКРЯ насчитывается 12, *начинать + стоять* — 2 [2]; *стать + заведовать* — 18 примеров, *пере-*

смягчительные и др.). Полная фазовая парадигма включает не менее 5 глаголов и 4 направлений фазовости, минимальная состоит из 2 глаголов (*опоздывать* → *опоздать*). Пример полной парадигмы глагола *молчать*:

стать + заведовать — 1 [2]; *начинать* и *перестать + зависеть* по 4 примера, с глаголом *стать* — 17 [2]. Следовательно, эти глаголы не являются глаголами с нулевой фазовостью.

Другая часть реально не обладает даже потенциальной способностью к выражению фазовой членности в силу своей семантики. Это, например, глаголы *наличествовать*, *отсутствовать*, *притязать*, *бытовать*, *содержать* ('иметь, заключать в себе'), *уповать*, *являться* ('быть кем-, чем-л., представлять собой кого-, что-л.'). *обладать* ('иметь в числе своих качеств, достоинств') и т. п. Тем не менее, в переносном употреблении такая возможность появляется, так, в НКРЯ зафиксирован такой пример: *Я открыл глаза и заметил: она изменилась в лице, стала отсутствовать* (Пришвин М. М., Пришвина В. Д., 1940) [2]. Нулевой фазовостью отличаются отдельные ЛСВ многозначных глаголов. Например, *соответствовать* в значении 'быть, находиться в соответствии с чем-л., отвечать чему-л. (занимаемой должности)' легко сочетается с фазовыми *перестать* (20 употреблений), *стать* (3), *начинать* (1) [2], а в ЛСВ 'совпадать по времени, приходиться на какое-л. время' вообще не обладает фазовой валентностью. Таким образом, исследование причин нулевой фазовости и составление списков подобных глаголов в русском языке представляется актуальным.

Литература

1. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
2. Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorp.ru> (НКРЯ).
3. Соколов О. М. Основы имплицитной морфологии русского языка. М., 1997.
4. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1987.
5. Титаренко Е. Я. Способы выражения фазово-видовых значений глаголов в русском языке // Система і структура східнослов'янських мов: Зб. наук. пр. Київ, 2004. С. 81–89.
6. Титаренко Е. Я. Фазовая парадигма русского глагола // Русский язык и литература: Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе: Сб. науч. тр. Київ, 2009. С. 98–102.
7. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.